

В этой истории не очень много действующих лиц — Героиня, ее Подруга, Добрый человек и Муж подруги. Остальные участники действия появляются эпизодически и большого влияния на суть происходящего не оказывают. Наверное, решающую роль в этой истории оказало Время и Место, в котором герои книжки оказались.

Конец 80-х годов

Дом стоял так, что его было видно со всех сторон. И если идти со стороны Пушкинской площади, и если стоять на Никитской у церкви Большого Вознесения, и если вздумаешь свернуть с Садового кольца и пойти в сторону Патриарших прудов. Дом казался огромным, но при ближайшем рассмотрении в нем был всего один подъезд и пять этажей. Зато крышу его украшал треугольный готический фронтон. Многочисленные экскурсии, которые ходили по этим улицам, неизменно останавливались перед этим домом и экскурсоводы говорили одно и то же:

— Вас не должен обмануть внешний вид этого дома. Флигели, которые находятся справа и слева, к нему отношения не имеют. Они являются самостоятельными строениями. Но, по правде говоря, внутри сообщаются с ним лестничными переходами. А еще интересен фронтон, выполненный в готическом стиле. Тимпан фронтона являет из себя барельеф. Он изображает сцену одного из сражений Александра Македонского.

Экскурсанты тянули головы — разглядеть битву не удавалось, но общий вид удивительного дома вызывал шум в рядах.

Историю этого дома можно было прочесть в архитектурных и исторических справочниках, но что было правдой, а что неким преувеличением, уже никто

Время перемен

не знал. В описываемое нами время этот дом состоял полностью из коммунальных квартир, жильцы которых давно мечтали перебраться поближе, например, к Строгино, чем оставаться в историческом центре, но с туалетом на три семьи.

Семья нашей Героини, Киры Заболоцкой, занимала в старом доме несколько комнат. Это обстоятельство вызывало вечно тлеющую зависть соседей по этажу. А когда отец Киры в одной из комнат поставил маленькую электрическую плиту, соседи возмутились громко. Долго они шуршали по углам, неодобрительно покачивали головами. Строго смотрели вслед Заболоцким, а потом устроили общее собрание. Устроили его на общей кухне в такое время, когда из всей семьи была только школьница Кира и ее лежачая бабушка.

— Кира, не вздумай ходить туда. Мать с отцом разберутся, — тихо говорила бабушка. Она чувствовала свою вину, что долго болеет, никак не умрет, не даст покоя семье. Ее никто никогда не упрекал, более того, поддерживали и лечили всеми способами. Но в понимании старой женщины «достойно уйти» означало уйти до того, как тебя начнут проклинать родственники.

Кира ничего не ответила, но на собрание пошла. Она была в школьной форме с блокнотиком в руках.

— А мать-то где? — спросил ее сосед.

— Где положено быть в это время взрослым сознательным людям. На работе, — вежливо ответила Кира.

Народ запыхтел.

— Что с ней говорить?! Сопля! Мать и отца к ответу призвать надо! — забухтел сосед. Он был неплохим мужиком, но погнобить ближнего за компанию обожал.

— Если вы по поводу плитки электрической, то она поставлена для бабушки. Бегать каждый час за теплой кипяченой водой тяжело. Да и шумно. Потом сами же

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

соседи будут возмущаться. Мы там не готовим. Мы только воду греем.

— А если кипятильником пользоваться?

— Это противоречит противопожарной безопасности, — сказала Кира и заглянула в блокнот.

В блокноте ничего не было, но жест произвел впечатление.

— Погодите, бабушке много лет. И болеет она, сами знаете, раком. Потерпите.

Соседям стало стыдно.

— Вот привязались! — воскликнул с укором тот же самый сосед и гаркнул: — Расходитесь, нечего нервы человеку давить.

Результатом этого собрания стало несколько банок варенья, бутылочка облепихового сока, домашние грибы и прочие гостинцы. Каждый, кто передавал угощение, говорил:

— Алевтине Петровне здоровья. Если чем-то помочь, сготовить — только скажите.

Родители долго удивлялись переменам, пока бабушка не рассказала, как было дело.

— Кира все уладила. Молодец, без скандала.

Москва всегда умела удивительным образом примирить людей. Во всяком случае, сделать их соседство комфортным. Когда пришло время записывать девочку в школу, родители Киры, недолго думая, отвели ее в ближайшую. По иронии судьбы, эта оказалась самая лучшая, самая известная школа города. Английский здесь начинали учить со второго класса, был свой бассейн и спальный корпус для продленки. Сюда приезжали иностранные делегации, а члены правительства привозили сюда своих детей и внуков. Родителей Киры эти обстоятельства не впечатляли. Их радовало то, что школа была близко и Кира могла бы приходить и кормить бабушку обедом. Кира воспринимала это нормально —

Время перемен

у каждого члена семьи должны были быть обязанности, а при необходимости каждый приходил на помощь другому. Кира не стесняясь отпрашивалась на десять минут раньше с урока.

— Мне надо успеть домой, за бабушкой поухаживать, — говорила она учительнице. Все в классе понимали, что речь идет не только об кормлении, но и перемене пеленок.

Характер у Киры был строгий, и одноклассники сразу это почувствовали. Над ней не пытались подшучивать и не пытались сделать изгоем. К тому же Кира с первых же дней не терпела конкуренции в учебе.

Как-то ее родителей вызвали в школу.

— Понимаете, создается нездоровая атмосфера среди одноклассников. Мы задаем один параграф выучить, Кира выучивает два. И опережает всех. Она уже знает, что будет на следующем уроке. Может, не стоит гнаться за количеством знаний? Может, стоит обратить внимание на усвояемость материала? На качество запоминания? — сказала классная руководительница.

— Так и обратите внимание, — спокойно сказал отец, — это ваша задача. Если плохо помнит, дайте нагоняй. А нам-то что? Глаза ей завязывать? Пусть занимается, как ей нравится! Она же не двойки получает.

«Школа» не нашлась, что ответить, и Киру оставили в покое. К пятому классу у нее не было практически четверок. К восьмому стало ясно, что единственный претендент на золотую медаль — Кира Заболоцкая. Родители, как только поняли, что дочь учится хорошо, перестали интересоваться, чем там она занимается, чем увлекается. Они вообще не ходили на школьные собрания — им было некогда. Вся их жизнь проходила в заботах и хлопотах. Болели родители, родственникам в деревне нужна была помощь. Работа в ночную смену у отца, сверхурочные и подработка у матери. Нужны

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

были деньги, лекарства, одежда в эпоху дефицита. Кира рано вошла в самостоятельную жизнь — ключ на шее от квартиры, обед в школьной столовой, бабушка на руках, а еще хлеб и молоко из ближайшего универсама. Ее саму это устраивало. Кира не роптала, когда она единственная из класса не ехала на экскурсию в Ленинград. Она не ходила на школьные вечера, потому что мать и отец работали в ночную смену. А бабушку нельзя было оставить одну. Она пропускала торжественные мероприятия, потому что не было у нее нужной юбки и нужных колготок. Для нее это было не пустяком, просто досадным временным недоразумением. Из всех трудностей, с которыми сталкивалась ее семья, Киру раздражало только одно — внезапность проблемы, неготовность родителей встретить очередное несчастье во всеоружии.

— Мама, давай откладывать деньги? По чуть-чуть, — как-то предложила она матери.

— Это невозможно, — вздохнула мать, — у тети Гали в деревне забор надо ставить. Она одна, помочь некому.

Заболоцкая промолчала. В этой устоявшейся семейной системе она чувствовала изъясн. Но никак не могла понять, где было это слабое звено. Только однажды, выйдя в суровый мороз на улицу без варежек, про себя решила, что она будет жить по-другому. Нет, она будет отзывчивой, она будет помогать родственникам, но покупка рукавиц за два рубля пятьдесят копеек не будет для нее чем-то катастрофичным. Как покупка нового холодильника взамен старого, внезапно сломавшегося. «Невозможно жить в ожидании неприятностей. Надо их предвидеть и быть готовым к ним», — решила она про себя.

Кира никогда не спорила с родителями. Она не докучала им расспросами, претензиями. Она никогда ничего не просила. И взрослые привыкли к такому ее поведе-

Время перемен

нию. Через несколько лет, когда она повзрослеет и отец с матерью попробуют ее поучать, она скажет им:

— Я буду поступать только так, как сочту нужным. Я никогда не была камнем у вас на шее. Я всегда и во всем помогала. Но моя жизнь будет отличаться от вашей.

Родители обидятся — они любили Киру и делали все необходимое, чтобы она росла нормально. Но тот груз, который везли эти взрослые, придавил и ее, их дочь.

В школе Кира тяжело сходилась со сверстниками. Она несколько презрительно наблюдала за их интересами, их увлечениями. Она по семейным обстоятельствам не могла полноценно участвовать в жизни класса, а потому противопоставила обычной подростковой беспечности свою преждевременную взрослость. Это отдаляло ее от сверстников еще больше.

Единственной подругой в классе была Лиля Мельникова, хотя более непохожих людей надо было поискать. На фоне неискренней игры школьной администрации в демократию, когда делался вид, что разницы между внуком министра и сыном рабочего ЖЭКа нет, дружба Киры и Лили была яркой иллюстрацией обратного. Лиля Мельникова, с ее импортными канцелярскими принадлежностями, портфелями, с ее обувью, пальто и дубленками, и Кира Заболоцкая, которая в последние два года в школе носила материнское пальто фабрики «Камышев», являли собой ту самую знаменитую картинку про социальные контрасты. Но самое удивительное, что девочки дружили крепко и искренне. Кира была самой желанной гостьей в доме Мельниковых, а мама Лили — Тамара Леонидовна при каждом удобном случае звонила матери Киры. Казалось, Мельниковы взяли шефство над Кирой, но сделали это так, что даже самый пристрастный наблюдатель не понял бы этого.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Лидером в этой паре, как легко догадаться, была Кира. Лиля уступила ей первенство без споров и обид.

— Ты умнее меня. И взрослее. Даже мама моя так говорит, — сказала как-то Лиля. Они были в шестом классе и собирались пойти в чебуречную на соседней улице. Сложив мелочь в общую кучу, Кира сказала:

— Знаешь, чебуреки — это баловство. По одному съедим, но не наедемся. А у нас еще два урока труда. Лучше пойти в «Аист» и взять по комплексному обеду.

Лиля обожала чебуреки, но согласилась, не раздумывая. Она знала, что Кира всегда принимает верные решения.

Первые их размолвки начались тогда, когда мальчики вдруг стали обращать внимание на Лилю. В тот год вообще все пошло кувырком. Уже в середине сентября двоих ребят вызвали на педсовет за то, что они принесли пиво в школу. Старшеклассницам запретили приходить в школу без формы, а уроки плавания стали проходить отдельно — мальчики по вторникам, девочки — по четвергам. Начальная и средняя школа осталась позади, начиналась полная интрига и открытий старшая школа. Именно в это время Лилю стал провожать из школы Стасик Воронцов. Стасик был мальчиком красивым, но совершенно, как сказали бы сейчас, безбашенным. Справиться с ним не мог даже отец, известный кинорежиссер. Отчим пытался подружиться, чем делал еще хуже. Стасик сел на шею и семье, и школе. Мать его, актриса, была вечно занята.

— Воронцов за мной ходит, — как-то поделилась Лиля с подружкой новостью. — А еще звонит и узнает, что задали.

— Можно подумать, он уроки делать будет, — фыркнула Заболоцкая.

— Вот именно, — поддакнула Лиля и тут же добавила: — Он неплохой парень. Только с ним некому зани-

Время перемен

маться. Дома вечно пусто, мама на гастролях, отец на съемках. Отчим... Отчим. — Тут Лиля совсем как взрослая махнула рукой.

— Со мной тоже некому заниматься, и что? — возразила Кира.

— Но это же ты! — воскликнула Лиля. — Тебе, кроме учебы, ничего не интересно. А Стасик... Он такой любознательный, он вечно куда-то ходит.

— Шляется, а не ходит, — сказала Кира, — я его вечно на бульваре вижу. Сидит с парнями на скамейке и ржет в голос.

— Ну, это бывает... — вздохнула Лиля, — но все же...

— Все же он тебе нравится? — прищурилась Кира. — Такие идиоты всем нравятся.

— Он — красивый.

— И дурной. Думает, что его кормить до ста лет будут.

— Знаешь, он в кино меня позвал, — помолчав, сказала Мельникова.

— Иди в кино. И давай попробуй пообщаться, убедись, что я права. А пока я тебе мешать не буду. — Кира развернулась и пошла в сторону своего дома.

Лиля растерялась. Дома она все рассказала своей матери.

— Ты представляешь, она просто ушла.

Тамара Леонидовна очень уважала Киру, давно отметив ее здравый смысл и абсолютно взрослый подход к жизни.

— Ну, я бы, наверное, не ушла от подруги. Из-за мальчика ссориться глупо. Но по существу Кира права. Воронцов так себе парень. Столько историй с ним уже было и все они с неприятным душком.

Лиля огорченно замолчала. Недели две она ходила из школы вместе с Воронцовым, а на третью сказала ему:

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Стас, не провожай меня больше. Я начинаю ходить на дополнительные занятия, времени совсем не будет.

Воронцов отстал, а на следующий день Кира ее спросила:

— Ну что?

— Дурак он, целоваться лезет и вообще такие вещи говорит...

Заболоцкая хмыкнула:

— Я же тебе говорила.

Так они дошли до десятого класса. Лиля, натура романтическая, мечтательная, не спешащая взрослеть, и Кира Заболоцкая, которая скрежетала зубами — так медленно, ей казалось, идет время. Она спала и видела, как закончит школу и вырвется во взрослую жизнь.

Лиля Мельникова — подруга героини — выросла в несколько иных условиях. Ее отец, Петр Вениаминович Мельников, был человеком занятым — руководство одним из московских строительных трестов было делом хлопотным, отнимало силы и время. Семья Мельниковых жила в центре Москвы, в прекрасном элитном доме. В те далекие застойные времена башни из светлого кирпича в историческом центре Москвы заселялись людьми номенклатурными, занимавшими большие посты. В подъезде дома Мельниковых проживали три министра, один военачальник и пара инструкторов ЦК партии. Все семьи сохраняли дружеские отношения «на расстоянии». Все были любезны, обменивались новостями, но в тесные отношения не вступали. Петр Вениаминович всегда наставлял жену:

— Можно случайно что-то сказать. Слово вылетит — не заметишь. А толковать его будут на разные лады.

Мельников не был трусливым. Не был он и очень осторожным, мог при случае начальству возразить, но

Время перемен

соседские сплетни и пересуды были для него страшнее всего. Он помнил, как его отца в тридцатых посадили за обычный разговор о продуктах в магазинах. Удивительно, что карьере эта память не помешала, храбрости не убавила, но среди соседей прослыл человеком замкнутым, немногословным.

Мать Лили была библиотекарем по призванию. Муж обеспечивал семью, в доме был достаток и ездить каждый день на работу необходимости не было. Но Тамара Леонидовна, несмотря на уговоры мужа, упрямо ездил на другой конец Москвы в одну из крупнейших библиотек Москвы. Она была заведующей отделом художественной литературы. В коллективе говорили, что «ей делать нечего», «бесится с жиру» и «наряды показывает». Последнее было отчасти верным — мама Лили приходила всегда в модных костюмах и платьях. Югославские сумки, немецкие сапоги, финские пальто — она меняла к зависти дам-коллег. Зарплаты библиотекарей были маленькими, у спекулянтов они не могли покупать дефицитные вещи в те времена. И мужей, которые могли доставать талоны в «тайную» секцию ГУМа не было. Поэтому Тамара Леонидовна выглядела королевой среди скромных сотрудниц. Впрочем, все единогласно признавали, что специалист она хороший, работает добросовестно, не опаздывает и частенько задерживается, подменяя других коллег. Одним словом, работа у Тамары Леонидовны была интересной, «с перчиком».

Лиля, дочь Мельниковых, училась в известной московской школе. Одноклассники были примерно из таких же семей. Впрочем, школьная жизнь девочки не отличалась от большинства ее сверстников. Может, только музыку немного другую она могла слушать, да и джинсы для нее не были чем-то удивительным.

Воспитанием занималась мать, поэтому к пятнадцати годам Лиля была не только отличницей, но и уме-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

ла готовить, шить, прилично играла на пианино и пела нежным голосом советские лирические песни. К десятому классу мать задумалась было о женихах, но дочь ее опередила.

Лиля ехала в автобусе к учительнице английского языка (английский входил в обязательный список навыков и знаний, которыми должна обладать девушка из интеллигентной семьи. К тому же Тамара Леонидовна хотела, чтобы дочь училась в инязе и работала в солидной внешнеторговой организации). Проезд тогда стоил пять копеек, но у Лили не оказалось денег. Вывернув все карманы, она, покрасневшая от стыда, уселась в конце автобуса, но водитель все увидел и громко потребовал оплатить проезд. Он говорил в микрофон, все оглядывались на Лилю, а Лиля что-то тихо бормотала себе под нос. Водитель с какой-то издевкой несколько раз повторил:

— Я ничего не слышу, что вы мне говорите. Оплачивайте проезд!

Лиля была готова тут же выйти из автобуса, но, во-первых, она не знала не будет ли это бегством, а во-вторых, промежуток между остановками был длинным.

Эта мука продолжалась бы бесконечно, если вдруг не встал высокий парень, который опустил в кассу пятак, оторвал билет и отдал его Лиле. А вслух сказал:

— Перестань волноваться. Подумаешь, пятак.

Лиля, все еще пунцовая, сказала:

— Спасибо.

Водитель еще бросал гневные взоры в зеркало заднего обзора, их могли наблюдать пассажиры, ехавшие впереди, но Лилю это больше не трогало. Более того, ее внимание было поглощено молодым человеком, который пришел ей на помощь. Первым делом она пообещала этот самый «пятак» вернуть.

Время перемен

— Вы не волнуйтесь, скажите, куда вам деньги привезти, — вежливо спросила Лиля.

— Да не надо никаких денег, — смутился парень.

— Как же, как же... — пробормотала Лиля.

— Так, не надо. Пять копеек — это всего лишь пять копеек. И моя стипендия не заметит нанесенного урона, — рассмеялся он.

— Как вас зовут? — спросила Лиля и покраснела до слез. Получалось, она сама знакомилась с парнем. Это в ее представлении было совершенно недопустимо. Одно дело в школе с мальчиками-одноклассниками быть на короткой ноге, а другое дело — взрослый парень, в автобусе...

— Стас, — ответил тот, — а тебя?

— Лилия. Но все зовут меня Лиля.

— Это хорошо, — кивнул Стас, — Лиля — это хорошо, а то Лилия — очень длинно.

— Да, я согласна с тобой. И мне имя мое нравится.

Они проехали еще пару остановок, и Лиля спохватилась:

— Я выхожу на следующей, у меня занятия здесь. Урок.

Стас кивнул:

— Мне еще пилить и пилить. У нас «лабы» в другом корпусе.

— «Лабы»? — удивилась Лиля.

— Лабораторные работы. Студенческий жаргон.

— Понятно. Пока. Спасибо еще раз. И я бы деньги отдала...

— Нет, не надо, — махнул рукой Стас и вдруг спросил: — А ты всегда этой дорогой едешь на свой урок?

— Да, раз в неделю. Если ничего не меняется у педагога.

— Тогда через неделю в этом автобусе, договорились?

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Мельникова покраснела. «Он что, шутит? Он же через полчаса забудет о том, что мы ехали вместе!» — подумала она, но вслух сказала:

— Попробуем! Может, и встретимся!

— Обязательно встретимся, — рассмеялся Стас, — если, конечно, ты лодырничать не будешь и урок свой не пропустишь.

— Не пропущу. — Лиля стала пунцовой.

В этот раз ее педагог по английскому языку Алла Иосифовна удивлялась рассеянности своей лучшей ученицы. В дверях, прощаясь, она ей сказала:

— Понимаю, третья четверть тяжелая, сложная. Сил мало, весна на носу, зима вымотала. Но ты все равно держи темп. Не расслабляйся. Потом легче будет.

— Хорошо, — быстро ответила Лилия и зачем-то соврала: — У меня третий день голова болит и контрольные сплошные.

— Понимаю, понимаю, — кивнула Алла Иосифовна.

К автобусной остановке Лилия бежала бегом — ей казалось, Стас должен поехать обратно, после своих лабораторных работ. Уже на остановке она вспомнила, что денег у нее нет. Покрутившись и пропустив автобус, она пошла пешком. Ей не хотелось, чтобы на нее опять накричали или, что еще хуже, высадил контролер.

Дома она была очень поздно — родители уже раза три позвонили Алле Иосифовне. Та тоже обеспокоилась и сбегала на остановку, расспросила ожидающих автобусы людей.

— Не волнуйтесь, она, наверное, решила пешком пройти. Жаловалась, что уже третий день болит голова, — успокаивала родителей встревоженная Алла Иосифовна.

Когда Лилия своим ключом открыла дверь и вошла в прихожую, отец так рывкнул, что хрустальные подвески люстры вздрогнули.

Время перемен

— Ты где шляешься? — закричал он.

Мать тут же отозвалась испуганным шепотом:

— Перестань, соседи услышат, разговоры пойдут.

Это был правильный ход — разговоров и огласки Мельников не хотел, а потому стих.

— Ты объясни дочери, что нервы у нас не железные. Что мы волнуемся и сегодня у нас прибавилось седых волос! — буркнул Мельников и скрылся в своем кабинете.

— Лиля, как так можно?! — развела руками мать.

— Как?! Я задержалась всего на полтора часа. И я не шляюсь! Я забыла деньги на автобус и шла пешком. В метро же точно не пустят... там турникет. Я устала, замерзла, а вы еще кричите!

А тихая и послушная до сей поры Лиля вдруг повысила голос и обнаружила возмущение. И мать вынуждена была согласиться — дочь не давала до этого никаких поводов для беспокойства. Наоборот, приходилось ее выгонять на школьные мероприятия. «Девочка взрослая, зачем мы так на нее накинудись! Но это все от волнения!» — подумала она.

— Послушай, надо уметь дружить, надо общаться, надо ладить со сверстниками! — говорила мать.

Лиля только пожимала плечами — она ладила и дружила. Но ей было скучно среди девочек, которые большую часть времени посвящали разговорам о мальчиках и косметике. Лиле хотелось проводить время, занимаясь более интересными делами. Она одна ходила в музей, иногда ходила на концерты. И подруга у нее была, одноклассница. Они вместе ездили учиться танцам. Кира была чем-то похожа на Лилю. Она не любила безделье, была любопытна и энергична.

— Знаешь, меня так долго ругали, что я бездельница, что я ленива, что даже когда сделаны все уроки и дополнительные занятия, я не могу спокойно сидеть на месте.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Та же фигня, — кивала Лиля, — мне тоже говорили, что надо быть чем-то занятой. Вот теперь и занимаюсь так, что времени нет свободного совсем.

Девочки тогда вздохнули, не понимая, что этот темп им привит на всю жизнь. И что благодаря этой родительской науке они добьются многого и рядом с ними будут такие же волевые, подвижные люди, с которыми гораздо интереснее общаться, чем с теми, кто не знает, куда себя деть от безделья и тоски.

В этот же вечер Лиля на родителей обиделась. Она быстро сделала домашние задания и легла спать. Только оставшись, наконец, одна, Лиля дала себе волю — подробно, до мельчайших деталей она вспоминала события сегодняшнего вечера — как вышла из дома, как села в автобус, как стал орать водитель, и, наконец, как этот незнакомый парень заплатил за нее и познакомился с ней. Лиля вспоминала его лицо, одежду, руки. Она вспоминала, как они попрощались и эти его последние слова о том, что они обязательно встретятся через неделю в этом же автобусе и в это же время. «Этого не может быть! — думала про себя Лиля. — Во-первых, автобусы не ходят по расписанию. Они опаздывают или приходят раньше. Сама сколько раз это замечала. Во-вторых, он может не поехать на эти свои лабораторные. И в третьих, самое главное, он может забыть, что сам же говорил. Он просто забудет, что встретил ее, Лилю, десятиклассницу без пяти копеек на проезд в автобусе».

— Пусть все случится, пусть все случится, пусть все случится! — забормотала Лиля, сжавшись в комок под одеялом. Ей так хотелось, чтобы этот самый Стас оказался в том же автобусе. Она понятия не имела, что они друг другу скажут, но ей отчаянно хотелось, чтобы все сбылось и встреча состоялась.

Время перемен

На следующий день она умудрилась получить тройку по алгебре. Это было так удивительно, что весь класс притих, когда математичка недоуменно произнесла:

— Вот это да! Мельникова?! Лиля?! Это как понимать?! Мы же две контрольные уже написали на эту тему. И у тебя пятерки по обеим.

— Я... У меня голова очень болит вот уже третий день! — Лиля долго не думала над ответом. В самом деле, она же не могла сказать, что вместо уравнений в голове этот самый Стас и она пытается вспомнить, какого цвета у него глаза. А еще она думала, что она наденет, когда поедет на урок английского.

— Я исправлю. Я отвечу вам на следующей неделе, можно? — пробормотала она. Но глаза она опустила, поскольку никакого расстройтва плохой отметкой у нее не было. Наоборот, они светились от предвкушения встречи и от осознания, что ей впервые назначили свидание. Да, вот так необычно, но все же...

После уроков она выскочила из школы первой и помчалась к Кире. Та была уже дома и убирала свою комнату.

— Знаешь, терпеть не могу делать уроки, когда грязно.

— У вас грязно не бывает, — машинально ответила Лиля. Подобные разговоры случались регулярно. Кира была помешана на чистоте.

— И все же... лучше убрать.

— Кира, оставь в покое швабру и ведро. Мне нужно кое-что тебе рассказать.

— Пару получила? — поинтересовалась подруга.

— Трояк. Не пару. А как догадалась? — изумилась Лиля.

— Не знаю, ты взбудоражена. И глаза бешеные.

— Нет, дело не в трояке, хотя и в нем тоже. Понимаешь, со мной вчера такое случилось!

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Рассказывай. — Кира наконец поняла, что у подруги действительно важные новости.

— Ты же знаешь, что раз в неделю я езжу к «англичанке», к Алле Иосифовне? Так вот...

И дальше Лиля, подробно останавливаясь на деталях, рассказала все события вчерашнего дня. Кира слушала внимательно, не перебила, не остановила, даже когда подруга, рассказывая, пошла по второму кругу. Наконец, Мельникова выдохнула:

— Короче, через неделю мы должны встретиться с ним в этом же автобусе.

— Это вы так думаете, а автобус и водитель могут думать и планировать иначе, — пробурчала Кира. Потом она намазала детским кремом руки и серьезно посмотрела на подругу.

— Зачем тебе это надо?

— Что? — удивилась Лиля.

— Этот парень, это свидание. Которое и не свидание. Представь, ты войдешь в автобус. Он там сидит, потому что в другой корпус едет, тебя не узнает, поскольку студентам школьницы неинтересны. У него в институте, знаешь, сколько девиц.

Лиле не понравилось, что говорила Кира, и не понравилось слово «девицы». «Я, например, не «девица». Я — девушка. Выпускница школы. Вообще, это пошлость какая-то — «девица». Вслух она сказала:

— Знаешь, ничего страшного, если мы и встретимся. Подумаешь... Человек меня выручил. Он ездит на этом автобусе. И мне надо на занятия.

— Если так считаешь, зачем ко мне пришла? — спросила Кира.

— Ну ... — растерялась Мельникова, — рассказать, поделиться...

— Поделилась. Мое мнение узнала, — констатировала Кира.

Время перемен

Лиля уловила в голосе Киры раздражение.

— Ты даже ни одного вопроса не задала! — воскликнула она. — Может, ты что-то не поняла.

— Да все я поняла! — усмехнулась Кира. — Тебе дали пятак, а ты подумала, что тебя пригласили на свидание. Ты просто очень серьезно относишься к ерунде.

Лиля поняла, что Кире рассказывать этого не надо было. Кира позавидовала. «Как я могла забыть!» — про себя ойкнула Лиля, Кира считает себя некрасивой и всегда воюет с мальчишками. Первой начинает говорить обидные вещи. Лиля была свидетельницей подобных сцен и как-то сказала:

— Зря ты так, к тебе хорошо относятся, а ты своим высокомерием и грубостью наживаешь врагов.

Кира усмехнулась:

— Мне их хорошее отношение не сдалось.

Лиля удивилась. Киру красавицей назвать было нельзя, но высокий рост, худоба, умение грациозно двигаться придавало ей шарма. К тому же у Киры было интересное лицо. В нем, вытянутом, с чуть выступающим подбородком, прямым носом и высоким лбом, было что-то лошадиное. Но вместе с этим в нем была порода, значительность, своеобразная привлекательность. Прическа Киры была неизменной — прямые светлые волосы, собранные в высокий хвост на макушке. Волосы только добавляли сходство с милой лошадкой.

Сейчас Лиля пожалела, что рассказала все подруге. «Я и сама расстроилась, и ей неприятно сделала. Ведь она позавидовала мне. А характер не позволил смягчить ответ», — подумала Мельникова.

— А знаешь, ты права. Не о чем тут думать. Может, дурак какой-то, у которого пять копеек в кармане оказалось. И захотел повыпендриваться. Я перенесу занятия английским на час позже.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Это самое правильное, что ты можешь сделать, — с усмешкой кивнула Кира, — и вообще, нас предупреждали о последствиях ранней любви.

— Господи, не будь душой, Кира! — воскликнула Лиля и покраснела.

Она вернулась домой, попробовала позаниматься, но из головы не выходила случившаяся с ней история. Она принималась вспоминать нового знакомого, представлять, что было бы, если бы она не поехала на этом автобусе, мечтать, как встретятся через неделю, наконец, придумывала, что она наденет. Лилия пробездельничала весь день до вечера, за уроки она взялась, только когда пришла с работы мать.

— Ты что, еще занимаешься?! — изумилась та, привыкшая, что к ужину дочь свободна.

— Не очень много задали, но сложные темы и они будут на экзамене, — пробормотала Лилия, хватаясь за книжку. Впрочем, учебник она так и не прочитала. До самой ночи она, прикрываясь уроками, думала о своей истории.

Случившееся отразилось на ее оценках и поведении. Вслед за учительницей математики возмутился историк:

— Мельникова, я все понимаю, у вас лимит доверия огромен. Но все же надо хоть прочитать учебник. Хоть один раз. Я вам двойку не поставлю, но готовьтесь к большому индивидуальному опросу. Кто знает. Может, вы всегда так готовились к урокам, а мне просто везло — я спрашивал то, что вы случайно знаете.

Лилия склонила голову.

— Ладно, садитесь, — вздохнул историк. Ему нравилась эта ученица — она никогда не пользовалась своим положением. В школе ее родители бывали только на собраниях и спокойно выслушивали все замечания. Сама девочка была прилежной и скромной. «Взрослеет», — с какой-то грустью подумал учитель. Он на своем веку

Время перемен

перевидел всякое, но чаще всего было вот это — внезапная рассеянность, равнодушие к предметам, невнимание и эта самая улыбка, которую он увидел на лице Лили. Мельникова получила пару замечаний от классной руководительницы и, как это ни удивительно, от учителя физики. Классная руководительница ей напомнила, что необходимо собрать актив класса, а учитель физики, на уроках которого была вечная вольница и все разговаривали почти в голос, ее одернул:

— Мельникова, я понимаю, что у меня на уроках можно спать и обедать, но не стоит мечтать. Все же это урок.

Дома мать долго приглядывалась к дочери, а потом спросила:

— С тобой все хорошо? Нет ничего такого, о чем ты боишься мне сказать.

Вот тут Лиля очнулась и с удивлением посмотрела на...

— Боюсь? — переспросила она. — Боюсь тебе сказать?

— Ну, — смутилась мать, — ты уже взрослая, мальчишки... Отношения. Вот у Львовых дочь рожать будет через два месяца. В гороно договаривались, чтобы она закончила школу не со своим классом. Даже в вечернюю школу невозможно перейти. Не работает же. И лет мало.

— Да? — Лиля вдруг с интересом отнеслась к этой информации. — Так у нее будет ребенок? И когда свадьба?

— То-то и оно, свадьбы не будет. Не будет мужа и отца.

— Так, мама, не бывает, — усмехнулась Лиля, — отец будет. Только не рядом с ней. И не с ребенком.

— Считай, что это нет отца.

— Нет, это считай, что дочь Львовых — дура.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Лиля! Ты что это так грубо разговариваешь?!

— А что? Я не права? Вы же сами так думаете. И ее родители так думают.

— Ее родители рады, что будет ребенок. Они беспокоятся, что их дочь не получит образование. А детям, дочка, рады всегда. Когда бы они ни появились на свет.

— Со мной такого не случится!

Мать позабавил пафос дочери, но на душе стало спокойнее. «Она в отца. Рассудительная. Двадцать раз отмерит, прежде чем отрезать», — подумала мать.

— Я рада, что ты такая ответственная в этих сложных вопросах. Иногда чувства захлестывают, с ними справиться сложно. И если такое случится, ты скажи об этом мне. Я постараюсь тебе помочь. Я тебе не враг и хочу, чтобы ты была счастлива.

В этот момент Лиле захотелось рассказать матери о своей встрече. И она уже было открыла рот, как вдруг сообразила, что рассказывать-то нечего. Мельникова-младшая вдруг посмотрела на историю с позиции взрослого человека. «Ой, я дурой маме покажусь, а еще она начнет волноваться! Права Кира — ничего такого не произошло, ничего не случилось и не встречу я в автобусе этого самого Стаса». Поэтому она только поцеловала мать и принялась накрывать на стол — уже скоро должен был приехать с работы отец.

Неделя прошла быстро. И вот уже наступил вторник. Лиля с замиранием сердца позвонила Алле Иосифовне и узнала, не отменились ли занятия.

— Да нет, все в порядке. Жду, как обычно, — удивилась та.

Выйти из дома Лиля решила тоже загодя — в те времена расписание обычных городских автобусов соблюдалось не очень строго. Но самое главное, что она тщательно оделась. В обычные дни Лиля ходила в добротном пальто, купленном матерью на закрытой рас-

Время перемен

продаже в ГУМе. Пальто было сереньким в мелкую коричневую клетку. Лиле не нравилось оно — девочки в ее классе ходили в ярких куртках. Но мать, заметив недовольство дочери, объяснила:

— Одежда должна быть элегантной. Яркие куртки — это хорошо. Но, например, лесу, в горах, на зимнем курорте. А в городской повседневности одежда должна быть серенькой, неброской, но с прекрасным кроем и из дорогой ткани.

— А это пальто с прекрасным кроем и оно из дорогой ткани? — чуть язвительно поинтересовалась Лиля.

— Да, именно так, — не моргнув глазом отвечала Тамара Леонидовна. — К твоему сведению, это знаменитый итальянский бренд.

— Что?

— Бренд. Так теперь говорят, в моей молодости говорили — «фирма». Так вот, это пальто дорогого бренда, стоит больших денег.

— Мама, зачем ты купила мне это пальто? Если это так дорого.

— У нас есть возможности, — лаконично ответила мать.

Так вот, это пальто Лиля забраковала. Она решила, что в этот день она наденет свою любимую дубленку в виде полушубочка с оригинальной застежкой в виде гусарских шнуров. Лиле очень нравилась эта дубленка. Отец ей привез ее из Парижа, она долго ждала, когда подрастет, чтобы вещь сидела на ней ловко. Пока никого не было дома, Лиля примерила дубленку, юбку из шерсти в клетку. На голову она надела шапочку из кашемира, на руки такие же варежки. Глядя на себя в зеркало, она замерла от восторга. На нее смотрела милая, очень модная и очень взрослая девушка. «Господи, я ведь ничего такого не совершаю! Я просто еду на заня-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

тия!» — сказала она себе, но в глубине души понимала, что она едет, чтобы увидеться со Стасом.

Автобус подошел сразу же. Лиля замешкалась, пытаясь незаметно разобрать, кто сидит в салоне, но потом спохватилась, что опоздает на занятия.

— Привет. — Кто-то произнес у нее над ухом.

Она подняла голову и увидела Стаса Перова.

— Привет! — смутилась она и почувствовала, как расплывается в улыбке. — У меня есть целых пятнадцать копеек. Один пятак — долг тебе отдать. Второй — заплатить за проезд туда, и третий — на обратную дорогу!

— Да ты богатая! — расхохотался Перов.

— Ну, почти богатая, — согласилась Лиля. Она почему-то подумала, что в ящике ее письменного стола лежит конверт, куда родители частенько клали бумажные купюры.

— Это тебе на конфеты, — говорил отец, вкладывая красненькую десятку.

— Это тебе на колготки и прочее, — говорила мать, и конверт пополнялся еще двумя-тремя купюрами. Родители были щедры. Во-первых, были возможности, во-вторых, видели, что дочь деньги почти не тратит. Только по необходимости и на важные вещи типа учебников, тетрадей и тех же самых колготок. «Интересно, сколько у меня там скопилось?!» — некстати подумала она.

Автобус ехал нервно, словно за рулем был тот же самый водитель и он разочарован, что поорать не на кого.

— Ой, — воскликнула Лиля, когда ее бросило в сторону и она привалилась на Стаса. Стас обнял ее за плечо.

— Эй, — отстранилась она, — перестань.

— Я ничего не делаю, я просто поддержал, чтобы ты не упала.

Лиля смутилась, хотя и видела и понимала, что ее сейчас обняли.

Время перемен

— Ты же опять на занятия?

— Да, — ответила Мельникова.

— Я тебя буду ждать на твоей остановке ровно через час пятнадцать минут. Это нормально?

— А зачем? Зачем ты будешь ждать меня?

— Просто так. Делать мне нечего, поэтому и буду ждать.

— А-а-а, тогда конечно. А как же твои «лабы» в другом корпусе?

— Нет никаких «лаб». Я ехал, чтобы тебя встретить. Обещал же.

— Только потому что обещал? — Лиля вдруг стала кокетничать.

Стас посмотрел на нее.

— Ты такая еще школьница!

— Мне восемнадцать лет. Я поздно в школу пошла. Так получилось. Папа в Африке комбинат строил.

— Значит, ты совсем большая.

А вот сейчас Лиле не понравилась его интонация, было в ней что-то тревожное и вульгарное, хотя слова были обычными, простыми.

— Мне выходить скоро. — Лиля привстала. Стас проводил ее до выхода из автобуса.

— Ты поняла? Через час с четвертью.

— Хорошо, — кивнула Лиля.

Она вышла и пошла по улице. Хотела оглянуться, но сдержалась. В этот день английский давался ей легко. Он прекрасно сделала перевод и вдохновенно болтала с Аллой Иосифовной.

— Голубушка, ты просто создана для этого языка. Какая же молодец и с таким произношением!!!

— Это вам спасибо. Это только вы! — ответила Лиля. Она говорила это искренне, а еще хотела всему миру добра.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Можно я позвоню от вас родителям? Они в прошлый раз так волновались.

— Я тоже волновалась, — отвечала учительница, — ты всех нас напугала.

— Да просто у меня пяточка не было. Шла пешком домой.

— А у меня попросить не догадалась?

— Неудобно, — пожала плечами Лиля.

Она позвонила домой и предупредила маму, что немного прогуляется.

— Я позанималась, все хорошо. Но я прогуляюсь. Уроки все сделаны на завтра.

— На улице же мороз!

— А я дубленку надела.

Повисло молчание — для мамы это было неожиданностью и она не знала, как на это реагировать. Дубленка считалась «выходной» одеждой, да и любые шаги в этом направлении Лиля согласовывала с матерью. Сейчас та почувствовала досаду и беспокойство, но здравый смысл взял верх.

— Тогда — конечно. Конечно, прогуляйся. Только особо не задерживайся. И темно, и холодно.

— Мама, не волнуйся, — сказала Лиля и неожиданно добавила: — Меня один мальчик проводит. Он в этом районе тоже занимается. И ему в нашу сторону.

— Мальчик?! — Мама все же забеспокоилась. Все сразу — дубленка, вечерняя прогулка, мальчик неизвестный, который собрался с дочерью идти по темным улицам.

— Мама, не волнуйся, он студент. И я с ним знакома... давно. Так получилось.

— Господи, Лиля, прошу быть осторожной.

— Мама, мне восемнадцать лет.

— Что ты хочешь этим сказать?!

Время перемен

Теперь становилось ясно, что надо беспокоиться. Похоже, дочь не просто гулять собралась, но и обдумала, что позволяет ее возраст!

— Мама, неудобно. К Алле Иосифовне пришли новые ученики. Я пойду. — Лиля повесила трубку.

На улице было темно, но от снега, огней машин, окон шло какое-то сияние. «Странно, Новый год прошел, а кажется, что чуть-чуть и елку наряжать надо будет!» — подумала про себя Лилия и заторопилась к оставке.

Там ее уже ждали.

— Замерз? — спросила она Стаса

— Нет, я успел сгонять за конспектами. Потрепались с ребятами. Ты не очень торопилась.

— Я нигде не задерживалась. — Лиле было приятно, что ее ждали с нетерпением. Хоть и происходило это нетерпение от морозной погоды.

— Мы поедем на автобусе, в нем тепло, — решительно сказала она, — а так ты простудиться можешь.

— Ты сегодня очень красивая. И модная. — Стас окинул ее взглядом.

— Хорошо, что ты заметил. Мне казалось, что мужчины такое не видят. Так, общий вид. Не более.

— Так оно есть. Общий вид красивый. Ну и еще у тебя глаза красивые.

Тут Лилия расхохоталась:

— Точно, надо ехать в теплом автобусе. У тебя голова замерзла и ты говоришь какие-то странные комплименты.

— У меня идея лучше. Пойдем в кафе? Тут недалеко наши студенты открыли бар. Нет, скорее, кафе. Знаешь, сейчас немного таких кооперативных заведений. Вот и старшекурсники подсуетились. Мы туда ходим. Там прилично. Кофе вкусный, хачапури делают и еще много десертов.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

На дворе был одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год. Три года назад началась перестройка, появлялись частные предприниматели, частные магазины и частные кафе. Лиля только пару раз была в таких местах. Дома мама ворчала, что готовят там случайные люди, есть там нельзя. Отец вообще ничего не говорил — он по вечерам был немногословен. И если раньше часто на кухне рассказывал маме всякие новости с работы, то теперь отмалчивался или произносил суровое: «Куда это все приведет! С ума посходили! Что со страной будет!» Лилия все это слышала, но считала отца, как вдруг стали говорить, человеком системы. «Конечно, он привык к тому, что ничего не меняется. И вот теперь его гложет беспокойство», — думала Лилия и серьезно не относилась к переменам в доме. Семейство Мельниковых все так же ни в чем не нуждалось: они имели возможность доставать дефицитные товары и продукты, ездили отдыхать за границу, жили среди таких же людей с возможностями, Лилия радовалась новой музыке, новому ТВ, магазинам, в которых можно было купить хорошие вещи. И кафе ей тоже нравились. Это было начало пути и все с надеждой пытались освоить новое и неизвестное. И в этом старании было много радостного, светлого.

— Да, я с удовольствием пойду в кафе. И наверное, там твои приятели будут. Мне интересно было бы с ними познакомиться.

— Ну, приятели могут быть, да. Познакомлю, конечно. — Стас приобнял Лилию за плечи и они пошли в сторону метро.

Кафе было славным. Его переделали из какого-то маленького пункта металлоремонта — на стене сохранились плакаты, вывеска и прейскурант на услуги. Столики и стулья были хромированные, блестящие, короче, подходили как нельзя лучше. Стойка, за кото-

Время перемен

рой стоял бармен, представляла собой трубу огромного диаметра, на которой сверху была длинная столешница. Все остальное было обычным.

— Кто это придумал? — восхитилась Лиля.

— Старшенькие, — с каким-то оттенком снисхождения отвечал Стас.

— Старшенькие? — рассмеялась Мельникова. — Бабушка так называла моих двоюродных сестер. Они старше меня на два года.

— Ну да, — покрутил головой Стас, — а мы так называем группу старшекурсников, которые сумели войти в доверие к деканату и теперь не столько учатся, сколько коммерцией занимаются.

— Но у них это получается? — с интересом спросила Лиля.

— Кафе получилось, а вот всякие там джинсы-варенки — носить нельзя.

— Ну, не все сразу. И вообще — не все. Пусть будет только одно. У нас же с кафе просто беда какая-то. Вот когда я ездила в Прагу, так там на каждом углу ресторанчики, кафе, всякие милые столовки. И туда все ходят — и пенсионеры, и школьники, и взрослые. И нет никаких швейцаров.

— Вот это здорово! А что ты в Праге делала? Тоже с родителями была, — с подозрением спросил Стас.

— Нет, у нас класс ездил. И я со всеми.

— Школа у тебя какая-то непростая.

— Ерунда. В любой школе есть такие мероприятия. У нас целый поезд дружбы был — из разных городов школьники.

— Бедная Прага, — ухмыльнулся Перов, — представляю, какого шороху вы там наделали.

Лиля рассмеялась:

— А будто ты не знаешь, что там все по струночке ходят. И все коллективно.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Это противнее всего было.

— Почему? — удивилась Лиля. — Организованность — это не самое плохое. Я не могу быть сама по себе. Меня вечно куда-то затягивает. Мне надо, чтоб мною руководили.

Впервые за вечер Стас посмотрел на нее внимательно. И обнаружил, что девушка, сидящая перед ним, очень милая. У нее серо-зеленые глаза в черных ресницах, белая кожа и брови какие-то необычные — пепельные, пушистые. Сама она не крупная, но чувствуется в ней легкость и изящество. Про себя Перов охарактеризовал одной фразой: «Класс-девчонка!»

— Тебе говорили, что ты красивая? — спросил он Лилю.

— Мне говорили, что я интересная, — не моргнув глазом отвечала она, — родители.

Перов расхохотался:

— А твои одноклассники, черт бы их побрал, они тебе говорили, что ты — супер!

— Я с ними только уроки обсуждаю, — улыбнулась Мельникова.

«Ребенок просто какой-то. А говорит, что восемнадцать лет», — подумал Перов.

— Знаешь, я бы хотел увидеть твой паспорт, — сказал он и с наглостью посмотрел ей прямо в глаза.

— Зачем? — удивилась Лиля.

— Понимаешь, тут в некоторых коктейлях содержится алкоголь. Так вот я должен знать, не спаиваю ли я несовершеннолетнюю.

— Господи, а я даже не подумала. Да, строго как у вас. Это правильно! — Лиля засуетилась и полезла в сумочку. Перов ее не остановил, он наблюдал за ее суетой, за ее выражением лица, за ее жестами. «Она какая-то совсем другая. Ни на наших институтских не похожа,

Время перемен

ни на этих отвязных школьниц. Хорошая такая», — думал Перов и ему захотелось ее обнять.

Лиля наконец откопала свой паспорт.

— Вот, смотри, видишь? Вот мне восемнадцать лет. — Лиля раскрыла паспорт. Перов по-прежнему смотрел на нее. Наконец, Мельникова подняла глаза и увидела его взгляд. Лиля вспыхнула.

— Ты смеешься надо мной? Ты просто пошутил?

— Нет, я же не знаю, можно тебя поцеловать или нет. Лиля окончательно смутилась.

— Ты хочешь меня поцеловать? Уже?

— Что значит — уже? — удивился Перов. — Я хочу поцеловать тебя последние два часа.

«Как в кино!» — подумала Лиля. Ей даже в голову не приходила мысль, что она окажется в такой «взрослой ситуации».

Нельзя сказать, что ее воспитывали в строгости или в информационном вакууме в смысле отношения полов. Лиля все давно знала и о последствиях была предупреждена и мамой, и разными школьными историями. И на Стаса Перова она смотрела уже как на мужчину, а не школьника-сверстника. Но вот темп, с которым развивались события, и разговор, который возник, ее все же смущал. В ее понимании, должны были быть прогулки, театр, музей, просто беседы по телефону. А тут было кафе и весьма щекотливый с полупамятками разговор. Перов это понял и сбавил темп.

— Ты не обращай на меня внимания. Знаешь, в институте приняты незамысловатые отношения. Говорят не подумав, поступки спонтанные, иногда просто хулиганские, — Перов улыбнулся, — знаешь, студенчество всегда было таким.

— Как же я хочу учиться в институте! Как мне надоела школа!